

УДК 330.8

Л. А. Дятлова

Н. П. ОГАНОВСКИЙ: ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Предпринята попытка анализа творческого наследия «хорошо забытого» русского экономиста Н. П. Огановского. В исследованиях Н. П. Огановского выделены три основных направления: во-первых, влияние политических факторов на сельское хозяйство; во-вторых, аграрная эволюция и, в-третьих, влияние пространственно изменчивых факторов на сельское хозяйство, что можно назвать и географией сельского хозяйства.

Н. П. Огановский, аграрная экономика, сельская экономика, политические факторы, аграрная эволюция, пространственно изменчивые факторы, «двусторонний тип развития народного хозяйства».

Прежде всего автор считает своим долгом напомнить читателям, что в предыдущих номерах «Пространственной экономики» были рассмотрены основные этапы жизни и деятельности Н. П. Огановского как ученого и политического деятеля; магистральные направления его научно-исследовательской деятельности; содержание, которое вкладывал Н. П. Огановский в политический фактор, и его влияние на сельское хозяйство и в целом на народное хозяйство; сущность концепции Н. П. Огановского «двустороннего типа развития народного хозяйства», основные экономические, политические и научные предпосылки его эволюционной концепции. В предлагаемой ныне статье автор предполагает объяснить, что в содержательном плане представлял собой вклад Н. П. Огановского в разработку методологии эволюционного подхода к исследованию сельского хозяйства.

© Дятлова Л. А., 2011

Продолжение. Начало опубликовано в: Пространственная экономика. 2010. № 3—4.

На момент написания Н. П. Огановским работы «Закономерность аграрной эволюции» [20] наибольшей популярностью в экономической науке пользовались эволюционные схемы, разработанные для индустрии К. Бюхером, В. Зомбартом и К. Марксом, которые стали использоваться экономистами разной политической ориентации для отражения эволюционного процесса во всех отраслях экономики, в том числе и в сельском хозяйстве. На постулате «аграрная эволюция есть повторение промышленной» на рубеже XIX–XX вв. строилось большинство аграрных программ. Это была успевшая к тому времени стать стереотипом методологическая позиция, состоявшая в представлении эволюции индустрии как линейного процесса развития производительных сил, которая питала уверенность в том, что эволюция «технически отсталого» сельскохозяйственного производства будет лишь повторением эволюции промышленного производства.

Однако острота аграрного вопроса в России начала XX в. требовала пересмотра привычных теоретических выводов и отказа от старых догм. Не выявив специфику аграрной эволюции и не установив ее фазы, факторы, результаты, общие закономерности, а также национальные и региональные особенности, трудно было ожидать эффективных решений в реформировании сельской экономики.

Поэтому не случайно в период между двумя русскими революциями (1905 и 1917 гг.) в отечественной экономической науке, и прежде всего в аграрной экономике, появляются работы, в которых в той или иной мере дается обоснование эволюционного подхода к исследованию сельского хозяйства¹.

В то же время ощущалась необходимость в систематическом и полномасштабном освещении проблем сельскохозяйственной эволюции. Так, В. Г. Бажаев, один из авторитетных специалистов в области экономики сельского хозяйства, анализируя круг задач, стоящих перед экономической наукой сельского хозяйства, считал необходимым выделить, как он обозначил, «более специальную задачу». Суть этой исследовательской задачи заключалась в «изучении взаимодействия, существующего между внешними и внутренними факторами сельскохозяйственного производства и формами сельскохозяйственных предприятий, в целях уразумения законов аграрного развития. Теоретическое изучение элементов и форм сельскохозяйственных предприятий, естественно, облегчает выполнение таких прикладных задач, как построение системы правил по организации отдельных сельскохозяйственных предприятий и по определению чистого дохода последних; изуче-

¹ См., напр., работы А. Н. Челинцева [26; 27], в которых дается обоснование генетической концепции экономических районов, а также работы Б. Д. Бруцкуса [6], А. П. Людоговского [17], Н. А. Карышева [13], Н. А. Каблукова [12], в которых были рассмотрены отдельные вопросы эволюции сельского хозяйства. Из более поздних работ следует отметить [1; 16]. Автор освещал эволюционный подход в работах отечественных экономистов-аграрников [10; 11].

ние же законов аграрной эволюции дает возможность научного обоснования планомерной деятельности государственных и общественных учреждений по созданию общих благоприятных условий для успешного развития сельского хозяйства» [2, с. 6].

Из приведенной цитаты следует, что В. Г. Бажаев, как, впрочем, и большинство тогдашних отечественных экономистов-аграрников, не только разделял эволюцию индустрии и сельского хозяйства, но и считал, что формы сельскохозяйственных предприятий есть не результат прихоти людей, а результат влияния совокупности факторов в процессе эволюции. Отменить эволюцию нельзя, ее необходимо изучать и понимать, чтобы с позиций научного обоснования воздействовать на факторы и процессы с целью управления развитием сельского хозяйства.

На этом фоне в 1917 г. выходит в свет итоговая работа Н. П. Огановского «Закономерность аграрной эволюции. Выдержки. Заключение». Ее отличительная черта: акцент на практической значимости результатов исследования эволюции сельского хозяйства. В этой же работе он формулирует основополагающий принцип, который проистекает из его понимания сущности аграрной эволюции и который должен лежать в основе аграрной политики: «Производительность земли и производительность человеческого труда должны находиться в состоянии устойчивого равновесия — в этом равновесии и лежит ключ к гармоническому развитию производительности производительных сил сельского хозяйства» [22, с. 152].

Здесь нелишне будет напомнить, что Н. П. Огановский был по образованию историком, обладавшим к тому же обширными знаниями в области как отечественной, так и зарубежной экономической истории. Но в то же время он обладал немалым практическим опытом проведения экспедиционных исследований сельского хозяйства. Поэтому неудивительно, что в упомянутых выше эволюционных схемах К. Бюхера, В. Зомбарта и К. Маркса он обнаружил несоответствие с тенденциями, имевшими место в сельской экономике России.

При этом Н. П. Огановский считал, что только путем внимательного и системного рассмотрения и сравнения эволюционных процессов в индустрии и сельском хозяйстве можно установить не только общие закономерности эволюционных процессов аграрной эволюции, но и выявить национальные особенности для России. Такова была логика исследования.

Объясняя феномен «колоссального недоразумения» смещения промышленной и аграрной эволюции, Н. П. Огановский писал: «Причиной этого ослепления, нам кажется, явился тот факт, что политическая экономия, как наука, развивалась в XIX веке, в эпоху расцвета индустрии и обмена. XIX век — век мощного развития городской жизни в Европе и мирового товарного хозяйства, век распространения механической силы пара, электричества...

В хозяйственном строе большинства европейских стран индустрия стала доминировать над сельским хозяйством, а так как индустрия имеет целью товарное производство и вызывает громадное развитие обмена, то получилась иллюзия перехода всей хозяйственной жизни страны из натурального строя в меновой... Яркая окраска индустрии, сразу широкой струей влившейся в хозяйственную жизнь Европы XIX века, совершенно потопила бесцветную окраску древнейшего производства человечества — сельского хозяйства... у сельского хозяйства и индустрии различная природа и различные качества, изучать их в смешанном виде товарного хозяйства нет никаких оснований, так как структура их имеет очень мало общего» [20, с. 140–141].

Н. П. Огановский объясняет целесообразность избранной им логики доказательства следующим образом: «Изложение эволюции индустрии нам необходимо, чтобы доказать, что действительно она имеет мало общего с сельскохозяйственной эволюцией: *смешение их чрезвычайно глубоко укоренилось в умах широкой публики*, и точное определение различий в этом случае неизбежно» [20, с. 141]. Как это похоже на современную ситуацию в России, с той лишь разницей, что в дооктябрьский период определение различий все же «было твердо установлено наукой», которая затем пошла дальше, а сегодня уяснение этого вопроса не считается необходимым, хотя на самом деле представляет один из важнейших теоретических вопросов. Не отсюда ли происходит стойкое убеждение, что успех аграрного реформирования лежит на пути исключительно создания сельскохозяйственных фабрик, которым нет альтернативы? Мы все еще находимся в плену старых представлений и догм.

Но вернемся к анализу эволюционных схем, тем более что на этом настаивал Н. П. Огановский. Напомним, что под эволюцией вообще понимался процесс внутреннего органического развития (саморазвития). Он обращает внимание на тот факт, что и К. Бюхер и В. Зомбарт ограничивают исследование в основном эволюцией обмена, не касаясь производства и распределения, хотя в сферу внимания В. Зомбарта попадает и производство. Это было слабое место обеих схем, что повлияло на доказательность их выводов. По мнению Н. П. Огановского, так как экономика каждой отрасли промышленности подразделяется на производство, распределение и обмен, то для того, чтобы получить полное представление об эволюции, необходимо исследовать изменения, происходящие со временем и в производстве, и в распределении, и в обмене. А поскольку такому же делению подлежит и экономика сельского хозяйства, то по аналогии следует рассмотреть и эволюцию сельского хозяйства.

В качестве первоосновы К. Бюхер и В. Зомбарт использовали формулу, корни которой следует искать в эволюционной теории Ч. Дарвина и особенно во взглядах Г. Спенсера, который разработал по аналогии с живой приро-

дой концепцию всеобщей эволюции, в том числе и для социального мира, в основание которой положил принцип дифференциации и разделения функций (как между органами, если бы это был живой организм). Как сформулировал Н. П. Огановский: «Это — закон перехода от бессвязной неопределенной однородности к связной определенной разнородности, т. е. закон внутренней органической дифференциации» [20, с. 135]. К. Бюхер [8] связал идею дифференциации с идеей перехода от натурального хозяйства к рыночной экономике.

Таким образом, весь ход эволюции ими был разделен на три стадии.

На первой стадии хозяйственная жизнь протекает в рамках индивидуального натурального хозяйства, которое представляет автономный хозяйственный организм, выполняющий все функции жизнеобеспечения семьи.

Затем наступает вторая, переходная стадия, когда некоторые функции домашнего хозяйства специализируются и работают на городской рынок, где происходит непосредственный обмен между производителями ремесленной и сельскохозяйственной продукции. На первой стадии производитель и потребитель объединены в одном лице, на второй — это разные люди. Границы производящего и потребляющего пространства, включающие на начальной стадии только домашнее хозяйство, на второй стадии расширяются и охватывают город — центр и окружающие деревни.

На третьей стадии дифференциация и специализация хозяйственной деятельности продолжают, в промышленности появляются фабрики, в торговле — посредники, «каждое хозяйство в общественном организме выполняет специальные функции, становится в зависимость не от личных потребностей, а от потребностей всего общества, нации, мира» [20, с. 138]. Так, по мнению Бюхера и Зомбарта, в индустрии произошел постепенный переход от индивидуального натурального хозяйства (бессвязной неопределенной однородности) к общественному хозяйству, организованному на рыночных началах (связной определенной разнородности).

Н. П. Огановский делает вывод, что в анализируемых концепциях эволюции индустрии «натуральное хозяйство противопоставляется меновому, как первичная, зачаточная форма быта, которая вытеснена в ходе эволюции сначала хозяйством непосредственного обмена, а затем хозяйством, построенным на началах исключительно товарного производства» [20, с. 138]. Но это, считает он, в значительной мере неправильно: «Разве горшечник и медник эпохи Гомера, как и средневековый и современный, производили посуду, латы и мечи для собственного потребления? ...Обрабатывающая промышленность не знала эпохи натурального хозяйства, так как хозяйство, специализировавшееся на индустрии, не может быть натуральным, самопотребляющим, ибо продуктами индустрии питаться нельзя. И от начала до конца

истории, с тех пор, как обществу стал нужен класс лиц, занятых специально «технической переработкой сырья», продукты производства этого класса становятся объектами обмена» [20, с. 139].

Следовательно, в процессе эволюции в индустрии главная цель качественно не изменялась: продукция производилась для удовлетворения потребностей рынка. «Индустрия является производством менового характера» — таков первый принципиальный вывод, сделанный Н. П. Огановским относительно эволюции индустрии, различий природы и главных целей промышленности и сельского хозяйства [20, с. 150].

При рассмотрении эволюции производства Н. П. Огановский использовал схему К. Маркса, которая представляет эволюцию производства как последовательную смену форм его организации (ремесло, мануфактура, фабрика).

При этом выводы, к которым приходит Н. П. Огановский, возможно, и не блещут оригинальностью, но привести их все-таки следует. Итак, «чтобы все расчлененные приемы были целесообразно выполнены, необходимо, чтобы они производились по определенному плану, под одним руководством. Чем проще каждый прием, тем он становится производительнее... Простота достигается усиленным расчленением приемов; усиленное расчленение ведет к тому, что процесс производства охватывает все большую группу людей и машин, занятых в нем, а так как эта группа людей должна работать для одной цели, то и происходит концентрация производства под одним управлением по одному плану. Точно такую же картину дифференциации и концентрации представляет эволюция общественного (промышленного) разделения труда... эволюция производства в индустрии дает картину несомненной внутренней дифференциации и концентрации, благодаря механичности приемов индустрии» [20, с. 143]. Это был второй принципиально важный вывод, сделанный Н. П. Огановским относительно того, что эволюция производства в промышленности, благодаря внутренней дифференциации процесса труда, представляет собой важный фактор, подготавливающий переход в конечном итоге к фабрично-заводской стадии. Все это в свою очередь дает возможность выявить отличия эволюции в области сельскохозяйственного производства, объяснить ограничения в области механизации, концентрации, управления в сельском хозяйстве и, что главное, распределение средств производства.

Далее Н. П. Огановский опровергает взгляд марксистов на эволюцию распределения в индустрии по аналогии с эволюцией производства. Полагая, что и в сфере распределения происходит процесс внутренней дифференциации, они потом механистически перенесли свои выводы и на сельское хозяйство и доказывали наличие в русской деревне во второй половине

XIX в. внутренней дифференциации — процесса разложения крестьянства [15].

Однако, по мнению Н. П. Огановского, история свидетельствует, что капитал не возникает внезапно, как джинн из бутылки, накануне промышленной революции. Необходим период первоначального накопления капитала, который охватил период Средневековья, когда «деревня (плюс колонии) доставила городу и средства и работников — два главных фактора современного капитализма... Органического развития, внутренней дифференциации первоначальной неопределенной однородности — ремесленников — в действительности не было... «связная определенная разнородность» — пролетариев и капиталистов выросла извне, сверху и снизу тонкого слоя ремесленников и поглотила его лишь настолько, насколько тот или другой вид ремесла допускал механизацию» [20, с. 146]. И далее: «...эволюция распределения представляет из себя одностороннюю подвижку вверх, приводящую к концентрации вновь образующихся, накапливаемых капиталов, почти исключительно в верхних слоях» [20, с. 151]. Хотя процесс формирования этих верхних слоев может принимать самые причудливые формы¹.

Рассмотрение аграрной эволюции Н. П. Огановский подчинил следующему плану: 1) главные различия в общем ходе эволюции сельского хозяйства и индустрии; 2) факторы эволюции сельского хозяйства; 3) выявление особенностей аграрной эволюции в России.

На этом этапе исследования Н. П. Огановский соотносит выводы об эволюции в индустрии с процессами, протекающими в сельском хозяйстве.

И прежде, чем обратиться к сельскому хозяйству в России, он рассматривает аграрную эволюцию в Европе. Ученый начинает обзор с раннего Средневековья, а именно с VIII–IX вв. В ходе сравнения он приходит к выводу, что процесс эволюции распределения в промышленности и в сельском хозяйстве имеет противоположную направленность. Но вначале поясним, почему Н. П. Огановский берет за точку отсчета именно указанный период. Для этого нам придется обратиться к предшествующему периоду, тем более что это будет соответствовать логике исследования Н. П. Огановского. Дело в том, что к этому времени экономический кризис (продолжался

¹ Однако в России влияние деревни (крестьянства) на формирование капитализма в промышленности было весьма специфическим и состояло не только в том, что она поставила на промышленные предприятия рабочую силу, в руках крепостного крестьянства, в том самом крестьянском хозяйстве происходило накопление капитала. В. П. Безобразов в 1864 г. пишет: «Село Иваново вместе с Воскресенским посадом... 7000 постоянных (приписанных) жителей и сверх того до 10 000 временно проживающих занято производством ситца... в год на 7,5 млн руб. Весь этот мануфактурный мир (а это были уже фабрики. — Л. Д.), этот русский Манчестер, создан единственно русскими крестьянами, и притом еще крепостными крестьянами» [3, с. 266–270]. И это лишь подтверждает вывод Н. П. Огановского относительно несостоятельности «теории обнищания» К. Маркса.

в V–VI вв.), вызванный великим переселением народов и падением Западной Римской империи в результате нашествия варваров, в основном закончился. Источником возрождения стала земля, в то время как промышленная деятельность вернулась к примитивным формам (мелким ремесленникам) и почти прекратилась, а крупномасштабная внутренняя и внешняя торговля, развивавшаяся в империи, погибла. Как писал П. Буассонад, «земля снова стала единственным капиталом, а ее продукция служила средством обмена» [7, с. 39]. Земля сосредотачивалась в руках крупных собственников: земельной аристократии, в составе которой преобладали завоеватели; церкви, чиновников. Уже в период кризиса формировалась крупная феодальная земельная собственность. П. Буассонад описывает основные источники ее формирования и основные группы собственников. Одновременно с крупными феодальными земельными владениями (предприятиями) и вокруг них существовали мелкие трудовые крестьянские хозяйства, без которых первые, выполнявшие роль экономических центров, существовать не могли в силу известных причин¹. Крупные землевладельцы различными способами закабаляли крестьян, которые, в свою очередь, должны были платить подати и отбывать повинности.

Стоит обратить внимание на существенную черту, коренным образом отличающую крупного феодального землевладельца от буржуазии, и ставшую, пожалуй, главной причиной его схода со сцены экономической жизни, на которую указывает Людвиг фон Мизес: «Владельцы феодальной собственности не зависели от рынка, они не служили потребителям; в пределах своих прав собственности они были реальными властителями. Однако положение капиталистов и предпринимателей в рыночной экономике совсем иное. Они приобретают и умножают свою собственность посредством услуг, предоставляемых ими потребителям, и удержать ее они могут, только продолжая еже-

¹ П. Буассонад называет основные группы феодальных крупных земельных собственников и источники формирования их собственности: «Земельные владения императора и казны, приобретенные в результате завоеваний, конфискаций, лишений наследства и перехода незанятых земель к государству, становились все меньше из-за беспредельной щедрости императоров по отношению к церкви и постоянной раздаче земельных участков военачальникам и солдатам... Крупные имения увеличивались еще больше, что шло на пользу церкви и аристократии... церковные имения были крупными центрами земледелия и имели большой штат, куда входили администраторы, инспекторы, сборщики налогов, казначеи, управляющие и дьяконы. Центральные здания таких имений были обнесены крепостными стенами, в имениях были больницы, гостиницы, погреба и ремесленные мастерские, вокруг которых жили населявшие эту церковную землю колонны... духовенство ухитрилось получить для церкви право взимать с крестьян сборы деньгами и натурой... Высшие чиновники увеличивали размеры своих владений и число зависимых от них людей, заставляя тех, кто находился под их управлением, принимать их покровительство... Земельные владения аристократов постоянно увеличивались в результате брачных союзов, покупок, захвата государственных и общинных земель или малых владений, а также за счет расширения территорий, находящихся под покровительством, которое легко превращалось в зависимость для мелких землевладельцев, оказавшихся в долгах или вынужденных искать покровительства» [7, с. 48–49].

дневно предоставлять услуги максимально высокого качества» [19, с. 103]. Л. Мизес говорит еще об одной важной вещи, которую мы находим и у П. Буассонада, о том же пишет и Н. П. Огановский. На формирование крупного феодального землевладения и вообще на распределение земли на данном этапе оказывал главное влияние политический фактор, экономические же факторы играли второстепенную роль.

Н. П. Огановский задается вопросом: какое направление приняла дальше аграрная эволюция, начиная с конца Средневековья, формирования капитализма и вплоть до конца XIX в., в области распределения? И обращается к статистике. Оказывается, к концу XIX в. крупные хозяйства в Европе сосредотачивают всего от 3,4% (Бельгия) до 27,4% (Великобритания) земли. В то время как средним хозяйствам принадлежит от 25,0% (Бельгия) до 65,1% (Дания). Мелкие хозяйства занимают от 15,0% (Великобритания) до 68,7% (Бельгия) [20, с. 153]. Следствием стало превращение мелких и средних хозяйств в главных производителей товарной сельскохозяйственной продукции. Россия не была исключением¹.

Анализ статистических данных дает Н. П. Огановскому основание сделать вывод, который автор посчитал возможным привести полностью: «В тот же самый период, в который средства производства в индустрии концентрировались в руках верхних слоев, в сельском хозяйстве они переходили от верхних к средним и нижним слоям. И взявши отправной точкой для эволюции индустрии и сельского хозяйства одну и ту же эпоху — начало средних веков, мы видим, что процесс эволюции распределения в обеих отраслях диаметрально противоположен. В то время как индустрия в средние века в Европе дробилась в сотнях тысяч мелких ремесленных мастерских, теперь она концентрируется, увеличившись в своих размерах в десятки раз, в немногих крупных предприятиях. Наоборот, сельское хозяйство, в средние века притянутое и сконцентрированное вокруг монастырских стен и феодальных замков, раздробилось на миллионы мелких и средних хозяйств, и процесс раздробления идет все дальше и дальше. Вот это колоссальное явление было потеряно многими исследователями XIX в.» [20, с. 153].

При этом Н. П. Огановский отмечает главный результат аграрной эволюции вообще и в сфере распределения в частности — крупные феодальные хозяйства в результате ослабления влияния политического фактора и изменения в экономическом строе, как правило, не могли приспособиться к новым условиям и постепенно исчезали из экономической жизни. Хотя, справедливости ради, необходимо уточнить, что некоторой их части удалось приспособиться к рынку.

¹ К аналогичным выводам, хотя и несколько позже, приходит Б. Д. Бруцкус [4—6].

В то же время наблюдается географическая и экономическая экспансия семейных, то есть по сути крестьянских хозяйств, мелких и средних по размеру. Мы говорим — крестьянских, потому что всех роднит главный признак — семья, ради потребностей которой в конечном итоге они создавались и создаются до сих пор. Они могут быть трудовыми или полутрудовыми, отличаться степенью связи с рынком, степенью специализации, но природа у них одна. Н. П. Огановский в этом случае не имеет в виду капиталистические сельскохозяйственные фабрики. Если сделать несложное арифметическое действие с данными, приведенными выше, то выходит, что на семейные хозяйства в конце XIX в. приходилось в развитых европейских странах от 72,6 до 96,6% используемой земли¹.

Итак, пора подводить итоги. Но для начала придется ответить на кажущийся вполне очевидным вопрос: а зачем все это надо? Что можно взять из наследия Н. П. Огановского (как, впрочем, и других отечественных экономистов тех лет), если по стране прошли коллективизация и социалистическая индустриализация?

По мнению автора данной статьи, аграрная эволюция в изложении Н. П. Огановского — это не просто описание сельской жизни, это системное объяснение с использованием элементов структурно-функционального анализа. Это весьма своеобразный методологический подход, позволяющий понять, на какой фазе эволюции находится сельская экономика страны в целом и отдельных ее регионов. Пренебрежительное отношение к генезису и эволюции экономических явлений и процессов — явление, весьма характерное для советской и постсоветской экономической политики², как правило, обходится очень дорого, причем не теоретикам, а практикам, в том числе проживающим и осуществляющим хозяйственную деятельность в сельской местности.

Что же касается нежелания большинства современных исследователей и реформаторов сельского хозяйства обратить внимание на крестьянские хозяйства, найти им соответствующее место в системе аграрной экономики, то здесь все достаточно ясно. Трудно, чрезвычайно трудно восстановить доверие сельских жителей, не менее трудно понять, каковы их экономические интересы и в каких формах государство и местное самоуправление может оказать им необходимую поддержку. И все-таки необходимо наконец-то понять, что крестьянскому (семейному) хозяйству несколько тысяч лет, в тече-

¹ Добавим, что эту же тенденцию отмечали Б. Д. Бруцкус [4—6], А. В. Чаянов [24], А. Н. Челинцев [27; 28] и др.

² Чего стоит только дискуссия 20-х гг. между «генетическим» и «телеологическим» подходами в народнохозяйственном планировании, закончившаяся практически полным уничтожением первых. Подробно: [9; 18].

ние этого времени оно проявляло потрясающую жизнеспособность, или, как писал А. В. Чайнов, «историческую устойчивость».

И почему мы считаем, что оно неперспективно? Может быть, потому, что мало о нем знаем, а заодно уж и об аграрной эволюции? Или не хотим знать?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов А. Я.* Постановка некоторых вопросов в учении об организации сельского хозяйства в прошлом // Пути сельского хозяйства. 1928. № 1.
2. *Бажаев В. Г.* Конспект курса сельскохозяйственной экономики. СПб., 1913.
3. *Безобразов В. П.* Село Иваново. Общественно-физиологический очерк // Отечественные записки. 1864. № 1.
4. *Бруцкус Б. Д.* Советское и крестьянское хозяйство // Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда, 1995.
5. *Бруцкус Б. Д.* Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918.
6. *Бруцкус Б. Д.* К критике учения о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. Сентябрь.
7. *Буассонад П.* От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрполиграф, 2010.
8. *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. М., 1923.
9. *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Б. Д.* Бруцкус о природе экономического планирования в советской России // Пространственная экономика. 2007. № 2.
10. *Дятлова Л. А.* Концепция генетических районов А. Н. Челинцева // Пространственная экономика. 2005. № 2.
11. *Дятлова Л. А.* Неизвестный лидер организационно-производственной школы Б.Д. Бруцкус // Пространственная экономика. 2006. № 4; 2007. № 1.
12. *Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г.* Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.
13. *Каблуков Н. А.* Условия развития крестьянского хозяйства в России. М., 1908.
14. *Карышев Н. А.* Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М., 1905.
15. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. М.: Госполитиздат, 1952.
16. *Литошенко Л. Н.* Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923.
17. *Людоговский А.* Основы сельскохозяйственной экономики и счетоводства. СПб., 1875.
18. *Мау В.* Реформы и догмы. М.: Дело, 1993.
19. *Мизес Л. фон.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2009.
20. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов, 1909.
21. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.
22. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Выдержки. Заключение. М.: Радуга, 1917.
23. *Огановский Н. П.* Перспективы развития сельского хозяйства. Вып. 2 // Материалы ОСВОК. М. — Л., 1927.
24. *Чайнов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избр. труды / А. В. Чайнов. М.: Экономика, 1989.

25. *Челинцев А. Н.* Теоретические основания крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.

26. *Челинцев А. Н.* Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1911.

27. *Челинцев А. Н.* Экономия сельского хозяйства как учение о сельскохозяйственной эволюции. Очерки по сельскохозяйственной экономии // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. Апрель.

28. *Челинцев А. Н.* Эволюция сельского хозяйства в Англии. Очерки по сельскохозяйственной экономии // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. Май.